
К 100-ЛЕТИЮ Ю.А. ЖДАНОВА

ПИСЬМА ИЗ АРХИВА Ю.А. ЖДАНОВА

Уходящий год прошел под эгидой 100-летия со дня рождения Ю.А. Жданова – выдающегося ученого, крупного общественного деятеля, организатора научной и образовательной деятельности. В предыдущих номерах нашего журнала были опубликованы его работы, ранее находившиеся в архиве, а вот в данном номере в рубрике «К 100-летию Ю.А. Жданова» мы публикуем ранее нигде не издаваемые письма великого человека.

Ю.А. Жданов – не только активный участник исторических событий прошлого века, но и наш современник. Он был свидетелем становления нового общественного строя в СССР и его распада. Автор встречался со знаменитыми людьми своего времени. Он понимал ценности той эпохи. Ему довелось изнутри наблюдать, как «делалась история», и посчастливилось оценить ее результаты. Письма Ю.А. Жданова в какой-то мере представляют собой диалог автора со временем, они характеризуют не только эпоху, о которой повествует автор, но и время их написания и публикации.

Как известно, особыми сферами интересов Ю.А. Жданова были культура и литература, а практическими аспектами культурного строительства в СССР он делился и с Министерством культуры СССР, о чем свидетельствует письмо Ю.А. Жданову от министра культуры СССР П.Н. Демичева (1982 г.). Так, еще в 1959 г. Ю.А. Жданов выступил в поддержку романа А. Ефремова «Туманность Андромеды», о чем свидетельствует его переписка с редакцией «Литературной газеты». Также и другие письма мыслителя посвящены обсуждению проблем молодежи, вопросов развития науки и др.

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ СССР
№ 1569 от 28.04.1982 г.

**г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 140,
Северо-Кавказский
научный центр высшей школы,
тов. Ю.А. Жданову**

Уважаемый Юрий Андреевич!

С большим интересом ознакомился с Вашими размышлениями о некоторых проблемах культуры. Многие Ваши соображения совпадают с теми выводами, к которым мы приходим, решая проблемы культурного строительства в современных условиях. Хочется выразить Вам чувство искренней признательности за то, что, несмотря на большую занятость организаторской работой в науке и педагогической деятельностью, Вы столь заинтересованно и глубоко анализируете проблемы культуры. Было бы неплохо, если бы на основе представленных материалов Вами была подготовлена статья для журнала «Коммунист» или какого-либо иного солидного органа нашей печати. Со своей стороны мы готовы оказать содействие в ее опубликовании.

П.Н. Демичев

В редакцию «Литературной газеты»

Уважаемая редакция!

Полностью разделяю Вашу позицию, занятую в связи с несправедливыми нападками на замечательный роман Ефремова «Туманность Андромеды». Книга эта, пожалуй, одна из самых смелых и захватывающих фантазий во всей мировой литературе. Подобные полеты за века необходимы. Было бы досадно и вредно, если бы узкомыслящим людям удалось подрезать крылья фантазии и мечте, помешать творческому полету Ефремова.

Прошу передать об этом Ефремову и пожелать ему: пусть фантазирует еще более дерзко, пусть будоражит умы, пусть создает новые смелые и светлые книги.

Надеюсь, Вы выполните эту небольшую просьбу и сообщите мне об этом.

С коммунистическим приветом,
ректор Ростовского университета
Ю. Жданов

Ростов-Дон,
Университет
31.08.1959 г.

**Ректору Ростовского н/Д
университета
Ю.А. Жданову**

Глубокоуважаемый Юрий Андреевич!

«Литературная газета» переслала мне Ваши слова одобрения и ободрения. От души благодарен Вам за них!

Есть еще одно обстоятельство, делающее Ваше письмо вдвойне приятным для меня. В свое время мой исторический роман «На краю Ойкумены» (ныне «непризнанный», изданный миллионным тиражом и переведенный во многих странах) валялся по редакциям забракованный ретивыми рецензентами около двух лет. Я обратился к Андрею Александровичу, и только с его помощью книга увидела свет, а потом и успех.

С искренним уважением,
И.А. Ефремов

Москва,
14 сентября 1959 г.

**Секретарю ЦК ВЛКСМ
тов. Б.Н. Пастухову**

Уважаемый Борис Николаевич!

Письмо Ваше дошло до меня с задержкой, поскольку находился в отпуске, поэтому прошу извинить за некоторое опоздание с ответом.

Вы ставите нелегкие для меня вопросы относительно мер, которые способствовали бы совершенствованию работы комсомола по коммунистическому воспитанию пионеров и школьников, по усилению роли комсомольских организаций в деле подготовки учащихся к труду. Эти вопросы сложны для меня чисто практически, поскольку я недостаточно знаю школьные дела; в то же время они весьма непросты и в теоретическом плане.

В нашей стране многое делается для коммунистического воспитания учащейся молодежи, в том числе и трудового. Успехи в этом отношении у нас немалые, но и нерешенных проблем предостаточно. Это обусловлено уже тем, что каждое входящее в жизнь поколение должно быть заново воспитано и сформировано. Мы нередко встречаемся с низкой учебной активностью в школе. Об этой писал недавно в «Правде» президент Академии педагогических наук СССР В.Н. Столетов. Работников высшей школы тревожит недостаточная активность студенчества. Среди молодежи не изжиты иждивенчество, неуважение к труду рабочего или колхозника. Вопрос, поставленный Лениным в первые годы советской власти: «Сумеем ли мы работать на себя?» – этот вопрос возникает перед каждым новым поколением.

Молодежь, в силу естественных причин, всегда обладает высоким зарядом активности, внутренней потенцией деятельности. Но от идеалов, системы ценностей зависит направленность этой активности. Помните Маяковского, который предлагал энергию заядлых преферансистов направить на обогрев центрального отопления?

Великая энергия рождается лишь для великой цели. Молодежь всегда жаждет крупных задач, грандиозных замыслов, смелых действий. Характерно, что в эти дни многие сотни ростовских ребят просят записать их добровольцами во Вьетнам.

Если же нет индивидуально осмысленной, пережитой, понятой, воплотившейся в кровь и сердце большой задачи, то для молодого человека остается выход, отмеченный еще Пушкиным: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботы суетного света он малодушно погружен».

Но как же тогда быть с романтикой будней, с необходимостью делать подчас однообразную, повторяющуюся, рутинную, изнуряющую работу? Эта необходимая и неизбежная в каждом деле работа будет делаться хорошо, когда понято ее место в решении крупной задачи, осуществлении великой цели.

Для молодежи, в ее массе, такой целью не может быть личный материальный, корыстный интерес. Принцип яичной материальной заинтересованности вообще не может быть принципом воспитания в социалистическом обществе. Материальную заинтересованность следует использовать, но нельзя на ней воспитывать. На ней «воспитать» можно лишь потребителей, обывателей и перерожденцев, способных, как говорил Горький, «жить глупо, пошло и удобно».

Если говорить о материальном интересе, то следует воспитывать такую вполне материальную заинтересованность, которая нацелена на создание материальных благ, культурных ценностей для общества, коллектива.

Нельзя воспитать молодежь в духе высоких целей и идеалов, если ей преподносить дежурный пропагандистский принцип: все у нас хорошо, имеются отдельные недостатки. Этот «отдельный недостаток» заключается в том, что мы еще не достигли своей всемирно-исторической цели – не построили коммунистического общества, на пути к которому еще много трудностей, препятствий, крупных нерешенных проблем. Если молодежь будет понимать всю сложность, грандиозность, величие и трудность стоящих перед нами задач, то она будет лучше, эффективнее трудиться, работать, учиться.

В этой связи необходимо дать школьникам возможно более полное и богатое представление о коммунизме как конечной цели нашего движения. Думаю, что то, что дается в школьных программах по данному вопросу, весьма скудно и бледно. Мы обычно подчеркиваем ту сторону, что коммунизм должен быть обществом изобилия, а ведь главное в коммунизме – возможность огромной, неумемной, вулканической деятельности, деятельного безграничного саморазвития, самосовершенствования индивида, чуждого индивидуалистическим капризам и сомнамбулам свободного развития личности, реализующей, по Марксу, абсолютное движение становления, не имеющее никаких границ, кроме конечной природы человека.

Впитывая и воспринимая все ценное из исторического опыта народов, делая его достоянием всех, создавая новые формы общения, открывая перед каждым безграничные возможности развития, мир свободных людей будущего добьется необычайного расцвета личности,

по мысли Ленина, «в миллион раз увеличивая» дифференцирование человечества в смысле «богатства и разнообразия духовной жизни и идейных течений, стремлений, оттенков».

Талант, который выглядел донныне как редкий и случайный дар природы, проявит себя как нормальное, естественное свойство каждого человека.

Люди станут культивировать живое, радостное, безграничное человеческое общение как самоцель. Именно в нем, а не в полетах к инопланетянам, будут цель и смысл всей жизни, существования людей, которые станут ненасытно «ощущать потребность в том величайшем богатстве, каким является другой человек» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, с. 125), неповторимый, уникальный, неисчерпаемый. Это общение свободных, всесторонне развитых, знающих, дельных, умелых, творчески активных, безграничных в своих реальных, действительных отношениях людей – цель коммунизма.

Это не будет сколок магометанского рая, общество праздных, пресыщенных людей – их жизнь будет наполнена неустанной деятельностью, но продиктованной уже не материальной нуждой, а стремлением к творчеству во всех сферах, к творчеству серьезному, напряженному, не без неудач и разочарований, поисков и потерь. Жажда деятельности, жажда познания, жажда общения достигнут эпических, свифтовских, раблезианских масштабов. Здесь очищенные от корыстных, меркантильных, вещных и престижных интересов засияют в своем величии и грозном блеске шекспировские страсти – как достояние всех.

Это уже не утопия, это – неизбежный результат культурного синтеза свободных людей. И все темные и ядовитые исчадия истории, порожденные эксплуатацией человека человеком, отчуждением человеческой сущности, – ложь и привилегии, подкуп и насилие, натравливание и угнетение – не закроют от человечества этой цели, но помешают ему дойти до нее по трудному, но верному пути, который пролагает для всех народов наша страна, мир социализма.

Реализация коммунистического идеала требует не только любви, но и ненависти, ненависти ко всему тому, что препятствует, мешает его осуществлению. Речь должна идти о воспитании непримиримой ненависти ко всему буржуазному – и на примерах истории, и на событиях современности. Ненависти к классу капиталистических хищников, к их мелкобуржуазным подпевалам, псевдосоциалистическим лжецам.

Не следует забывать, что, по Ленину, жулики, тунеядцы, хулиганы, спекулянты, хапуги – хранители традиций капитализма, родные братья, дети капитализма. Классовое воспитание должно быть нацелено и против них. В этой связи надо всячески поднимать, подчеркивать величие исторического значения и опыта диктатуры пролетариата. И в самом деле, если не терять классовых оценок, то наше общенародное государство по своему содержанию в условиях борьбы двух систем есть государство диктатуры пролетариата как интернационального, не знающего границ класса.

Надо воспитывать молодежь в духе умной ненависти к национализму – этому последнему козырю, последней ставки буржуазии в идеологической борьбе за массы. Горький опыт XX века – от Гитлера до Голды Меир и Мао – показывает, насколько это коварный и опасный враг. И в нашу страну международная буржуазия стремится занести националистическую заразу.

Отсюда – необходимость воспитания юношества в духе дружбы и братства народов, пролетарского интернационализма, ленинских идей восприятия всего лучшего и передового в мировой культуре.

Особое внимание должно быть уделено воспитанию на традициях отечественной культуры, в первую очередь на примерах беззаветного служения народу трех поколений российских революционеров: декабристов, разночинцев, большевиков-ленинцев. Показанный ими нравственный образец не имеет равного в истории.

Теперь о некоторых более конкретных делах. Думаю, что школьный комсомол должен помочь преодолеть некоторую односторонность среднего образования, его уклон в сторону вербальных, словесных знаний. Под девизами «Знать и уметь», «Понимать и действовать» следует формировать у молодежи систему умений и навыков. Управлять машиной, паять, шить, монтировать радиосхемы, готовить пищу, ухаживать за садом, прививать растения и тысячи других умений – вот что нужно шире внедрять в школу, стимулировать всеми формами работы. Быть может, ввести для каждого школьника «паспорт умений»?

Реализуя заветы Тимирязева, Мичурина, надо раздувать в среде молодежи массовое научное и техническое творчество. При этом ни в коей мере не предполагается, что все станут учеными и инженерами. Массовое опытничество, конструирование в конечном итоге прививают навыки творческого отношения к любому делу.

Труд невозможен без строгой дисциплины и самодисциплины. А становлению этих качеств содействуют столь притягательные для молодежи военизированные формы организации коллектива. Их стиму-

лирование отнюдь не противоречит принципу мирного сосуществования.

Труд в современном обществе носит кооперативный характер, т.е. достижение производственного результата всегда требует совместных усилий группы людей. Поэтому целесообразно стимулировать такие формы трудовой активности молодежи в школе, которые требуют совместных усилий и тем самым приучают к коллективизму и организованности.

С добрыми пожеланиями,
Ю.А. ЖДАНОВ,
член-корреспондент
Академии наук СССР

Ростов-на-Дону,
Университет
3 марта 1979 г.

ПИСЬМО ОТ Э.В. ИЛЬЕНКОВА

10.01.1968 г.

Дорогой Юрий Андреевич!

Получил Вашу рукопись об «основном противоречии», прочитал ее раз, но прочитать еще раз, – чтобы записать о ней что-то, – никак не соберусь с силами. Очень мешает всякая суета. Не знаю, дошли ли до Вас отголоски истерики, которую упорно стараются разжечь последний месяц кое-какие из известных Вам деятелей от философии – Молодцов, Косичев, Готт, Трошин и их друзья – вокруг злосчастной статьи в «Комсомольской правде». Принимают осуждающие решения на своих кафедрах и ученых советах, шлют истерические письма в вышестоящие инстанции, запугивают начальство и т.д. и т.п. Все это настолько противно, что руки опускаются. Ничего не хочется делать.

18.01.1968 г.

Опять вернулся к письму – отложил его, т.к. думал, что Вы в Москве. Жаль, что не удалось поговорить. М.б. помогли бы мне выбраться из дурного настроения. Никак оно не проходит – а в итоге даже письмо написать – и то превращается в проблему. Уж очень хочется этим молодцовым вернуть все назад. А их, увы, много. Вот и думается – еще двести лет будет тянуться эта ерунда, если раньше бедой не кончится. И валится все из рук, хочется махнуть рукой на всю эту философию несчастную и беспомощную и заняться чем-нибудь другим... Такие-то вот настроения совсем меня одолели. И трудно решить – насколько они оправданы. Но впечатление все же такое – интегрально-интуитивное – что наступает полоса тухлого безвременья, когда все те, кто мог бы что-то делать интересное, забираются в свои норы, а на свет опять выползает всякая нечисть, ничего не забывшая и ничему не научившаяся, только сделавшаяся еще злее и сволочнее, поскольку проголодалась. И никак не удастся взглянуть на все это дело «философски», то бишь «суб специе этернитатис». Даже не знаю – посылать Вам эти ламентации или лучше порвать и переждать с письмом, пока не посветлеет на душе.

Так что уж не обижайтесь, Юрий Андреевич, если маловразумительно смогу сформулировать на этот раз насчет «частично-всеобщего» и связанных с ним тонкостей.

В общем и целом, мне дело тоже представляется именно так. Я тоже привык представлять себе нынешнюю полосу с точки зрения примерно тех же категорий – как фазу на пути от формального обобществления – к реальному, до которого, увы, видимо еще далековато. Печально, однако, то, что во всем этом движении мало ясного теоретического понимания и слишком много фразы, много демагогии, отчего процесс и протекает так мучительно и с такими издержками, которые едва ли не превышают потенциальные выгоды от формального обобществления, едва ли не сводят их на нет.

Так что чисто теоретически я с вашим текстом согласен полностью – вопрос, однако, в том, какие же конкретные социально-экономические меры могли бы обеспечить максимум преимуществ, созданных фактом формально-юридического обобществления собственности, и пресечь всякого рода кукурузу. Видимо, иного противовеса формализму, возомнившему себя раньше времени «реальностью», кроме открытого признания прав товарно-денежных отношений, нет. Так что существующую ситуацию и надо, наверное, познать методом «раздвоения единого» – Богу Богово, кесарю кесарево, то есть совершенно четко определить права формализма, вытекающие из его реальных возможностей, и ясно очертить ту сферу, которая формализму реально неподвластна. И пусть она конституируется сама, как знает, ибо стихия тоже содержит в себе свой «разум» – и иногда более разумный, нежели формальный. Тогда и формальный разум сделается, может быть, несколько более самокритичным и поворотливым – каковым он сам по себе, боюсь, не сделается никогда.

Нормально обобществить можно ведь с пользой только то, что уже реально для сего созрело. Иначе из этого выйдут только вред и издевательство, застой. Особенно при нынешнем состоянии теоретического разума. Не надо заглатывать больше, чем способен переварить желудок. Эту истину мы слишком часто забывали, оставшись без Ленина. Слишком часто принимали свой относительный разум за Абсолютный, за всемогущий, за всеведущий. «Частично-всеобщий» = абстрактно-всеобщий = мнимо-всеобщий. А реально – частичный самый что ни на есть. В этом «единстве противоположностей», в этом спутанном противоречии надо прежде всего выявить то, что действительно, реально, является в нем «всеобщим», а что – нет. Только после этого и можно, наверное, учредить более или менее разумное «единство».

И надо эти противоположности максимально четко развести, прежде чем синтезировать.

В понятии же «частично-всеобщего» они не выявлены, спрятаны, а потому то и дело выступают под маской своего «иноного». Да, понятие «частично-всеобщее» совершенно точно выражает тот эмпирически-фактический синтез, который есть. И потому, м.б., самое это понятие требует несколько более подробного анализа – четкого, ясного, до цинизма трезвого. Да, труд стал «всеобщим» лишь отчасти, лишь частью. В какой реальной мере и степени? Тут-то и весь вопрос. Эту меру и надо определить, чтобы не превышать, чтобы не пытаться командовать тем, что этому командованию не поддается по сути дела, чтобы ясно очертить правомочия. А с тем, что лежит за пределами этой «меры», – играть честно, по строго установленным правилам, не меняя их к своей выгоде, как заблагорассудится.

Мне и кажется, что единственно верным было бы сказать: вот в этих-то и в этих-то пределах, четко и ясно очерченных, «частный труд» – полный хозяин, и в эти пределы не имеет права совать носа ни один «представитель Всеобщего» – Абстрактно-Всеобщего. Пусть он и помнит, что он – лишь абстрактно-всеобщий, то бишь мнимо-всеобщий. И в этих пределах, то есть на рынке, пусть господствуют законы рынка. Со всеми их минусами. Ибо без этих минусов не будет и плюсов.

На границе же между рынком – и Всеобщим – пусть и создается тот самый относительно разумный синтез, который никак не может стать разумным по той причине, что эта граница ясно не прочерчена, откуда и происходят взаимные нарушения границы без понимания того, что это – нарушения.

Тогда и получится ясная картина – картина борьбы взаимоисключающих принципов, а не их диффузия, что хуже открытой и честной борьбы, ибо диффузия превращает всю эмпирию в одну серую кашу.

Так что мне кажется, что в понятии «частично-всеобщего труда» задача на анализ скорее поставлена, нежели еще решена. Противоречие зафиксировано – да – и показаны эмпирические способы его проявления.

Причем проявления негативного плана, в коих повинна именно частичность. Но откуда эта частичность действует? Какой полюс ее продуцирует? Рынок или его полярная противоположность – частичность под маской Всеобщего? Частичность, возомнившая себя непосредственной всеобщностью, или же частичность, честно понимающая, что она частичность и ничего более?

Надо ясно очертить компетенции той и другой разновидности «частно-всеобщего», тогда яснее станет и доза вины и той и другой за негативные последствия, как и за позитивные, этой, данной формы синтеза «всеобщего» и «частного» – государства и рынка, диффузно окрасивших друг друга...

Пожалуй, ничего более вразумительного я тут придумать не могу. Может быть, в моих рассуждениях и сказывается то ипохондрическое настроение, которое меня одолело. Но ведь и оно имеет свои корни там же?

Никак я не могу принять, что Молодцов – Трошин, старающиеся присвоить себе монополию на «истину в философии», на роль «воплощения разума», имеют на это большее право, чем те, которых они хотели бы осудить как «ревизионистов». Они-то ведь никак не признают, что они – только «частично-всеобщие» – и неизвестно еще, насколько велика эта частичка «всеобщего» в их мозгах. Думаю, что там она давно превратилась в чистую фикцию, в фразу... А где у меня и у Арсеньева возможность и право бороться за другую – и может быть, более солидную дозу «всеобщего»? Вот и впадаешь в пессимизм, особенно когда устанешь, особенно когда – оглянувшись – увидишь, как немного сил. И как они все распылены, насколько «частичны».

Ну, ладно, пока кончу на этом. Ежели у Вас есть лишняя капелька оптимизму – поделитесь!

Может быть, в феврале и приедем с Василь Василичем.

Поклон семье и, в частности, гнусеологу.

Оля все хочет спросить Ваше мнение про ее книжку – и не решается.

До свидания!
Эвальд

ПИСЬМО ОТ В.Н. СТОЛЕТОВА

Дорогой Юрий Андреевич!

С огромным интересом, переросшим буквально в волнение, прочитал вашу статью в № 18 «Коммуниста». Статья мощна и действенна.

У Белинского есть ясное определение: в человеке две силы познавания мира – рассудок и разум. У каждой силы – своя сфера: конечность есть сфера рассудка, бесконечное понятно только для разума. Разум необходимо предполагает и рассудок, но рассудок не уславливает собой разума. Рассудок, когда он действует в своей сфере, есть также искра Божия, как и разум, и возвышает человека над всею остальной природой, как ступень сознания. Но когда рассудок начинает претендовать на область разума, тогда для человека гибнет всё святое в жизни. Жизнь превращается в борьбу эгоистических личностей, в азартную игру, в которой торжествует хитрый и безжалостный и гибнет добродушный и совестливый.

Купцы, запечатленные Островским, были наделены весьма развитым рассудком и (как правило) не были обременены человеческой совестью. Деревенские кулаки-богатеи тоже.

Свою мысль о рассудке и разуме Белинский развивает относительно педагогики. Первая забота воспитателя – считал он – должна быть посвящена тому, чтобы не развивать у детей рассудка за счёт разума и даже обратить свое внимание на развитие разума, тем более что рассудок и без особых усилий воспитателя под воздействием опыта жизни возьмёт свое.

Понравилась мне мысль Белинского. В ней, по моему разумению, бездна ценного для теоретической педагогики.

К примеру: из одной педагогической публикации в другую сегодня циркулирует фраза: «задача школы – развивать мышление учащегося». А в содержании публикации днём с огнём ничего не найдется о путях развития разума. А рассудочности у некоторой части современных подростков уже достаточно... Или ещё: о бесконечном. Люди давным-давно заметили, что интерес к бесконечному у детей возникает очень рано. С этим согласится каждый, как только он вспомнит собственные детские годы: как только ребёнок начинает двигаться на своих двоих, так у него появляется интерес узнать, что такое там, за стенами родительского дома, далее – за деревенской околицей и так далее – до космоса. Интерес человека к бесконечному отлично использовали в своих писаниях «отцы церкви». На этом интересе выстроен «тот свет».

Читая Белинского, появилась потребность заглянуть в словари. Начал с Большой советской энциклопедии, второе издание. Наметил слово

«разум», обнаруживаю ссылку: см. «рассудок». Здесь читаю: «Две ступени логического мышления, различающиеся в некоторой систематике домарксистской философии». Заметка заканчивается фразой: «В диалектическом материализме разделение логического мышления на ступени рассудка и разума не проводится».

В третьем издании БСЭ заметка начинается также уже ссылкой на домарксистскую философию, но заканчивается по-иному: «С точки зрения диалектического материализма процесс развития теоретического мышления предполагает взаимосвязь рассудка и разума». Всё спасающая «взаимосвязь».

В Философской энциклопедии по поводу разума есть престранная статья, в которой есть фраза: «Рассудок – носитель стандартности, слепой нормативности». Диалектический материализм и «взаимосвязанный» с «носителем стандартизма и слепого нормативизма».

В статье Вы сформулировали свой вариант прочтения Спинозы. Этот вариант имеет всеобщий парадокс. Но все же после прочтения в словарях толкования слов «разум» и «рассудок» применительно к данному единичному случаю напрашивается такой вариант: «и плакать, и смеяться, но не понимать».

В заключение могу сказать, что Вы в относительно небольшой статье нанесли мощный и действенный удар по единому больному месту нашей «логики».

«Больное место» затрагивает более широкий ареал. Он давным-давно распространился на учебные пособия из педагогики, а это значит, на всю педагогику. Это уже «не больное», а «больные места логики».

Но это – большая тема, не укладывается в письме.

Большое спасибо вам за статью – она для меня, как говорят, кстати.

С глубоководружеским приветом
и всеми наилучшими пожеланиями,
В. Столетов

15.01.1983 г.